

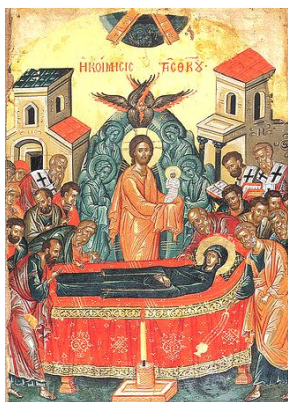
Московская Епархия. Богородское благочиние.
Храм Тихвинской Иконы Божией Матери г.Погинска

Тихвинский листок №38

28 Августа 2018 года

Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

Слово в день Успения Пресвятой Богородицы

Казалось бы, что если кому можно и прилично было не умирать, подобно Еноху и Илии, то Матери Сына Божия. И, однако же, Она почилася смертным! Значит, смерть – неизбежна! С другой стороны, когда бы в смерти было для человека зло существенное, то если кто, то Мать Сына Божия не была бы подвергнута сему злу; и, однако же, Она подверглась смерти. Значит – смерть не есть зло и вред для человека!

Смерть неизбежна, смерть безвредна; вот две истины, кои сами собою приходят на мысль в день Успения Матери Божией.

Нужно ли человеку помнить их? Крайне нужно. Ибо если смерть неизбежна, то всякому должно заблаговременно приготовляться к ней. Если смерть сама по себе безвредна, то нет причины страшиться ее и трепетать.

Помним ли мы, однако же, сии истины? Напротив, кажется, – ничто так не забывается, как они. Мы живем так, как бы нам никогда не умирать, ибо несколько не готовимся к смерти; а умираем так, как бы нам никогда не воскресать, ибо через меру страшимся смерти.

Мало мы думаем о нашей смерти, ибо покажите мне человека, который бы посвящал на это хотя бы по несколько минут каждый день; между тем, смерть может прийти к нам не только каждый день, но и каждую минуту. Еще менее мы готовимся к смерти, ибо укажите, где и в чем это приготовление? Это ли приготовление к смерти, когда мы алчем награды за наградою, строим здания за зданиями, переходим от удовольствий и забав к новым удовольствиям и забавам? Ты прожил, например, уже более полувека, сам чувствуешь, что давно за полдень, недалек вечер, в виду ночь: скажи же мне, что приготовил ты для подземного ночлега? И такое невнимание к смерти у самых престарелых. Что же сказать о людях в мужеском возрасте? Что сказать о юношах? Вы произвели бы на их устах улыбку, напомнив о необходимости приготовляться к смерти, между тем, сколько юношей нисходит каждый год в могилу!

После сего можно бы подумать, что мы почитаем вовсе ненужным никакого приготовления к смерти. Но как почитать это ненужным? Отправляясь и в недалний путь, мы же заботимся, что взять с собою, где пристать, чем заняться; а вступая во врата вечности, мы воображаем, что все равно, как ни вступи в них, что ни возьми с собою, как ни расположи себя! Может ли быть большее невнимание к себе и вечной судьбе своей?

Или мы не любим себя и потому решаемся на все, что бы с нами ни случилось по смерти? Но такой ненависти к себе в нас нет; мы так и живем, чтобы угождать себе; малейшую скорбь души стараемся удалить, и малейшую язву тела исцелить.

Скорбь и болезнь заботят нас, а смерть – нет, а вечность – нет! Ослепление непостижимое! Безжалостность к себе крайняя!

Одно бы можно было предположить в изъяснение, что мы почитаем смерть концом всего; тогда не к чему готовиться, не о чем заботиться в будущем. Но до сей глубины нечестия мы не дошли: чаем жизни вечные, веруем в воскресение мертвых. Чаем, – и не готовимся к сей жизни; веруем, – и не стараемся улучшить воскресения в живот. Чаем и веруем, а живем яко овцы заклания! Можно ли поступать пагубнее и безрассуднее?

Нетрудно, впрочем, отгадать, что приводит у нас смерть в забвение, и не позволяет нам приготовляться к ней. Мы слишком преданы плотской жизни и суетам ее; а свойство житейских сует таково, что они, как прах на пути, ослепляют очи и не дают видеть, что впереди. Находясь среди сего облака, а иногда и вихря пыли, мы не в состоянии простирать взора в будущее; смотрим только вокруг себя и водимся настоящим. Когда, например, думать о смерти честолюбцу, если тщеславие ослепило его до того, что все мысли и душа его устремлены к известной награде и отличию? Довольно думать и передумывать, как бы кто не перегнал его на пути, как бы унижить соперника, сравняться с высшими, выказать свое достоинство, сокрыть свои недостатки, ульстить мощного начальника. Когда думать о смерти богачу, или начинающему богатеть? У него и без того весь ум занят счедами и расчетами; туда отпущен, а оттуда ожидается

товар; там неисправен приказчик, здесь худо идут самые дела; как бы поддержать или поправить кредит, нет ли случая пустить или взять в рост деньги; передумать о всем этом не хватит не только дней, но и самых ночей. Когда думать о смерти ученому? Он еще не все узнал, не во всем усомнился; можно сделать такое и такое открытие, навести на то и другое подозрение, превзойти предшественников, обратить на себя внимание современников, прослыть светилом века, обессмертить свое имя.

Так суета в разных видах слепит очи! И кто свободен от сей слепоты? С другой стороны, образ смерти так ужасен, что и подумать о нем страшно. Это можно сделать разве в один Великий пост, в Страстную Седмицу, в Великий Пяток... В другое время – это значило бы на целую, по крайней мере, неделю расстроить свои мысли, остановить дела, повредить, может быть, даже здоровью. Как решиться на это прежде, нежели врач скажет что уже нет надежды, прежде, нежели духовник явится с молитвенником и крестом, прежде, нежели последняя болезнь усилится до последней степени? Тогда подумаем об этом; а до того времени зачем напрасно тревожить и смущать себя призраками?

Не такова ли, братие мои, история нашей жизни? Не таков ли образ наших действий? Скажите: где тут разум, где расчет, где любовь к самим себе? Если бы врагу, ищущему нашей вечной гибели, предоставлено было управлять нашими действиями, то мог ли бы он надежнее губить нас?

Опомнимся же, кто может, от сего небрежения!.. Смерть неизбежна. Итак, будем памятовать о ней всегда; памятуя, будем готовить себя к ней; готовясь, не дадим ослеплять себя временными благами и забавами.

Это первый урок от гроба Богоматери; обратим слух и внимание ко второму.

Успение Ее научает нас, что смерть неизбежна, но в то же время показывает, что смерть, сама по себе, не есть зло для человека. Ибо, если бы она была зло, то Мать Сына Божия по тому самому была бы изъята от необходимости умереть. Пример Ее должен посему служить в утешение всем нам и возвышать нас над страхом смерти и гроба. Между тем, мы смотрим на смерть, как на зло величайшее, боимся гроба, как ничего более в мире. Сколько тут бывает рыданий и слез, сколько вопля и обмороков! Сколько ропота и отчаяния! Иные даже не могут перенести кончины своих ближних, и сами идут за ними в могилу.

Так ли бы христианину должно было взирать на смерть? Правда, что смерть есть печальная дань греху, есть следствие злополучного нашего падения в Едеме, но благодатию Христовою это наказание обращено в средство к нашей награде. Теперь смерть для истинного христианина есть не лишение, а приобретение; ибо мы, оставляя суетный и во зле лежащий мир сей, переходим из него в мир высший и лучший; скидывая с себя бранный покров тела, идем облещися новою одеждою, нетленною и прославленною; разлучаясь на малое время с ближними, здесь остающимися, вступаем в круг ближних же наших, отшедших прежде нас, и, что важнее, в ближайшее сообщество Ангелов и Самого Господа и Спасителя нашего.

Чего бы тут страшиться, о чем сетовать? Но мы трепещем, рыдаем, предаемся отчаянию: почему? Потому что никогда не вникали в истины Евангелия, как должно, и чужды света, коим оно озаряет для нас мир загробный; потому что слишком прилеплены к земному и тленному; потому что никогда не готовились к смерти. По всему этому смерть необходимо кажется для нас злом крайним; тогда как, при надлежащем настроении духа и сердца нашего, при христианском образе мыслей и поступков, она могла бы служить нам, как и служила для всех истинных христиан, даже в отраду и утешение.

Перестанем же быть подобными несмысленным детям. Возьмем от гроба Богоматери урок не почитать смерти, самой по себе, злом, ибо она, если делается таковою, то по нашей собственной вине, то есть когда мы отходим из сей жизни обремененные грехами, без истинного покаяния и веры. Но при таком образе действий жизнь есть еще большее зло, нежели смерть, ибо смерть, по крайней мере, прекращает собою непрерывный ряд тех грехов и беззаконий, на кои употребляема была жизнь. Аминь.

Святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический

Использованы материалы Азбука.ру

Ответственный редактор: архимандрит Сергей (Шагаев)

Технический редактор: священник Сергей Макаров

Верстка:

Ирина Тимошина